

16+

Дыхание сердца

Книга первая

Юлия Тен

Юлия Тен

Дыхание сердца. Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Тен Ю. С.

Дыхание сердца. Книга первая / Ю. С. Тен — «ЛитРес:
Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-93881-6

Как думаешь, когда умирает русалка? Может, когда гарпун поражает её сердце, когда её жабры пересыхают или когда она в неволе? В легендах поют о том, что русалка умрёт, когда её забудут, когда она подарит своё сердце, а её забудут.

ISBN 978-5-532-93881-6

© Тен Ю. С., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юлия Тен

Дыхание сердца. Книга первая

Пролог

– Эй, парень! Полегче! Это школьные соревнования, а не национальные. Он вообще человек? – восторженно кричал комментатор.

Все зрители, затаив дыхание, глядели на восходящую звезду баскетбола. Несомненно, этот юноша будет на вершине, как когда-то был его отец, который и по сей день остаётся легендой – тот самый непобеждённый гений. И все свои умения, знания и силу он вложил в сына. Скорость, с которой двигался парень по площадке, заставляла открывать рот от изумления. Он был неудержим: эта грация в прыжке, хитрый пронизывающий взгляд тёмных глаз и неизменная улыбка. Он наслаждался игрой, он любил баскетбол всей душой. И он никогда не проигрывает.

– Давай, Маркус! – стоя у самого края трибун, кричала девушка, подбадривая аса команды. Всё её внимание было сосредоточено только на нём. Она прыгала на месте, хлопая в ладоши от радости, как маленький ребёнок, отчего крупные локоны золотых волос пружинили вместе с ней.

Юноша лишь улыбнулся, краем глаза заметив самого важного человека в своей жизни – ну и как он может играть «полегче», когда она смотрит на него и восхищается? Оставалось чуть больше десяти секунд. Нет, он не мог просто так закончить эту игру, он обязан был поставить жирную точку в этом матче, подтвердив свой титул. Юноша ускорился, хотя, казалось, быстрее уже было невозможно, в его глазах будто загорелся синий свет, что походило на свечение из Преисподней, из самого Ада, но никто не замечал этого – равно, как и он сам. Маркус умело обошёл противников, словно их там и не было вовсе, словно это – статичные статуи. Парень прыгнул, напрягая мышцы и выдыхая перед броском.

– Вот он! Берсерк Маркус! Невообразимая мощь! И старшая школа Вебб штата Калифорния становится триумфальным чемпионом в этом году!

Под овации трибун и вой сирен ас забил сокрушительный данк, заставив закалённое стекло щита задрожать и со звоном разлететься на тысячи осколков.

Маркус жил игрой и, само собой разумеется, любил и побеждать, но вот чего он терпеть не мог – так это тошнотворного позёрства, выходящего пустой тратой времени, но звание аса команды обязывало его присутствовать на церемонии награждения. Когда это представление закончилось, а игроков отпустили – всё же после игры все устали – Маркус смог облегчённо выдохнуть, прислоняясь к холодным металлическим шкафчикам.

«А ведь ты обещал прийти...» – от собственных мыслей парень понуро опустил голову. Отец обещал прийти на финал, но сколько бы Маркус ни всматривался в лица на трибунах – его там не было. Обида неприятно уколола сердце, но он уже был достаточно взрослым, чтобы понимать, что и отец, и мать могут быть заняты. Раньше он часто обижался на родителей за то, что те не приходили на его игры, ведь он не хотел понимать, что они работают на износ, чтобы обеспечивать, в первую очередь, их с сестрой беззаботную жизнь. Да, он уже понял это, но сегодня всё-таки был его первый турнир за старшую школу.

– Эй, Маркус! Ты чего, не можешь контролировать свою силу? Ты каждый матч собрался ломать кольца и щиты? – насмешливо бросил товарищ по команде и приобнял парня за шею, стирая пот уже насквозь мокрым полотенцем.

– Оно как-то само получается, – юноша отстранённо усмехнулся и взглянул на свои ещё подрагивающие после игры ладони.

Он действительно не мог контролировать свою, как он считал, странную силу. Порой он излишне сильно сжимал штанги, от чего те гнулись, а совсем недавно он бросил маленький камешек в дорожный знак, целясь прямо в центр нарисованного круга, где на некогда гладкой поверхности образовалась несвойственно рельефная для такого, как казалось, лёгкого броска вмятина – он сам не ожидал такого исхода и поспешил как можно скорее ретироваться с места преступления незамеченным.

– Да просто скажи, что красуешься перед девчонками! – воодушевлённо продолжал друг. – Кстати, ты меня обещал познакомить с той красоткой! Помнишь? Она ещё с косичками постоянно ходит, – он задумчиво добавил, показывая на себе.

– Мне это не интересно, Брайан, ты же знаешь, – Маркус хлопнул его по плечу и взглянул в глаза. – Но я помню и обязательно вас познакомлю, – сейчас ему нужно было переодеться, ведь в зале его ждала та единственная, для которой он, возможно, и выпендривается.

– Пф, не интересно ему! – передразнил его Брайан. – Если бы я был таким популярным, как ты, у меня была бы куча девок! Десять! Нет, двадцать! – немного задумчиво исправился Брайан и снова выкрикнул, но на такое высказывание другие участники команды разразились смехом.

Маркус стянул футболку, доставая именное полотенце с верхней полки, и присел, жадно отпивая воды из бутылки. Адреналин всё ещё будоражил кровь, и усталость только начала понемногу проявляться, но через пару минут уже будет настойчиво тянуть тело к земле.

– Слушай, – заговорщически прошептал Брайан, на что ас закатил глаза: «Вот неймётся некоторым».

– А ты, случайно, не заднеприводный? – громче, чем рассчитывал, проговорил Брайан, а команда прыснула от смеха.

– Нет! Не говори глупостей, – насмешливо бросил Маркус, схватив своего друга в тиски и начав его в шутку душиить.

– Так! Побесились и хватит, – от приказного тона капитана драчуны тут же подпрыгнули на месте, не желая получить нагоняй. Капитана боялись все без исключения. И каким бы Маркус ни был сильным и значимым в команде – старшего он уважал и так же, как и все, справедливо побаивался.

– Так точно, кэп! – отсалютовали парни с широкими улыбками на лицах.

– Придурки, – капитан не смог сдержать улыбки и, кинув в парней полотенце, приказал быстро всем одеваться.

– Какая же ты красивая, крошка, – чужие руки упорно пытались приобнять красавицу за талию. – Пойдем со мной, я угощу тебя чем-нибудь.

– Спасибо вам большое, – на каждый её шаг в сторону к ней делали ещё два. – Я кое-кого жду.

Девушка лучезарно улыбнулась и поправила локон волос, который выбился из причёски. Она действительно была красива. Даже очень – никакое золото в мире не могло сравниться с сиянием и красотой этих волос, в её голубых глазах будто плескался сам океан, а изящное тело с белоснежной кожей навевало мысли о фарфоровых куклах: хрупких и нежных. Добрая улыбка, которую она прятала за тонкими пальцами, могла заморозить кого угодно.

– Да ладно тебе! Пойдём, – незнакомец был слишком увлечён красотой и мягким светом девчушки, ему непременно хотелось заполучить это сокровище себе и плевать, каким способом.

– Пожалуйста, отпустите, – она пыталась вывернуться из стальной хватки парня, что так нагло схватил её за запястье и потащил в неизвестном направлении.

– Какого Дьявола?! – Маркус подоспел вовремя и грубо отпихнул парня, пряча испуганную девушку у себя за спиной.

– Слышь, иди отсюда, шкет. Эта тёлка – моя, – нахал потёр то место, где Маркус его схватил, и недовольно поморщился. – Сопляк.

– Даже не смей прикасаться к ней, – процедил Маркус сквозь зубы, взглядом прожигая дыру в парне.

– И что ты мне сделаешь? Твоё дело – мячик по площадке гонять. А её я всё равно трахну, – насмешливо бросил здоровяк и сплюнул на землю рядом с ногой Маркуса.

– Ублюдок! – за доли секунды спортивная сумка оказалась на земле. – Никто не смеет так разговаривать с моей сестрой, – он схватил парня за грудки, намереваясь не просто ударить, а, желательно, избить до полусмерти.

– Маркус, не надо! – девушка запоздало вскрикнула, обнимая брата со спины. – Пожалуйста, хватит.

– Ещё раз увижу – до больницы будешь ползти.

Маркус с омерзением оттолкнул пьяную тушу и повернулся к девушке. Обычно спокойный и добрый, парень сейчас просто источал гневную ауру. Он никогда не даст свою сестрёнку в обиду. Это было то самое табу – то, что могло завести его с пол-оборота. Парень готов был пойти на что угодно ради неё.

– Ну давай, попробуй, – всё насмеялся храбрец, за что его снова схватили за футболку, свободной рукой прицеливаясь ударить по наглой морде.

– Братик Ку, ну пожалуйста. Я хочу домой. Отвези меня домой, – со слезами на глазах пробормотала девушка, сильнее прижимаясь к брату.

И он отпустил, лишь толкнул своего противника в грудь. То ли тот не ожидал того, то ли Маркус толкнул слишком сильно, но парень так повалился на землю, что аж перекувырнулся через голову и распластался по земле. Юноша взглянул на свою ладонь и с силой сжал кулак. С ним явно что-то происходило – эта бешеная сила начала появляться лишь недавно, когда ему исполнилось шестнадцать лет. Он сам её боялся и также боялся кому-либо о ней говорить – лишь его сестрёнка знала всё. И она действительно переживала за этого нахала, который мог в какой-то момент получить весьма сильные увечья. Маркус приобнял дрожащую девушку за плечи и стал пробираться через толпу зевак, которые намеревались посмотреть шоу. Но, поняв, что ничего не будет, они стали спешно расходиться.

– Ку, может, поговоришь с папой об этом? – тихо пролепетала девушка, опустив взгляд на половик автомобиля.

– Нет, – парень перекатил слово на языке, неуверенно, но вполне однозначно качая головой. – Мари, ты же знаешь, что в последнее время отец стал сам не свой: он даже ночами не спит из-за работы. Я не хочу его донимать еще и с... этим. Может, мне просто не следует так много тренироваться? – парень натянуто улыбнулся, чуть повернув голову в сторону сестры.

– Возможно и так, – девушка тяжело вздохнула и стала рассматривать пейзаж за окном.

Глаза скакали по мелькающим силуэтам людей и надписей: вот они едут по Санта-Монике, главной артерии Беверли Хиллз, мимо дорогих магазинов, высоток и особняков. Промелькнули витрины ювелирного магазина «Tiffany&Co», и Мари вспомнила, что так и не купила подарок маме, но момент был упущен – Маркус проехал его, а просить разворачиваться не хотелось. «Как-нибудь потом», – подумала она и перевела взгляд на брелок в виде баскетбольного мячика.

Даже несмотря на маленький стаж вождения, точнее, на практически полное его отсутствие, Маркус вёл автомобиль уверенно и довольно умело. Чёрный мустанг был подарком отца на шестнадцатилетие – юноша тогда чуть сознание не потерял от счастья.

Маркус вывернул руль влево и свернул на бульвар Ла Сьенега, недовольно цокнув языком: видимо, из-за аварии впереди образовался затор. Но простояли они там благо недолго и, доехав до конца бульвара, снова свернули влево, выезжая на загородную дорогу, вдоль пышных пальм и редких фонарей – тут можно было дать металлическому монстру немного свободы, что парень и сделал. Он нажал на педаль газа, и зверь тут же зарычал, набирая обороты. Их особняк находился на улице Лаурель. Тут, кроме их дома, была ещё парочка с такими же большими приусадебными участками. И если бы вы хотели перекинуться с соседом парой слов – нужно было проделать довольно долгий путь в поисках хозяина дома.

Свернув с дороги к поместью, парень заметил, что машины отца нет, а значит, он ещё не вернулся. Маркус тяжело вздохнул и крепче сжал руль в руках, кожаная ткань сразу же противно закричала.

Парень аккуратно припарковал машину у входа в дом и не спеша вышел. Его сестрёнка уже бежала к двери, о чём-то увлечённо болтая по телефону с подружкой. Он смотрел ей вслед и как-то грустно улыбался – она была словно не с этой планеты, такая добрая, излучающая тепло, а ещё – невероятно красивая. А её голос! Все, кто слышал его, просто сходили с ума. Её песни лишали возможности дышать. Ты просто слушал, как зачарованный, и не мог оторваться, пока последний божественный звук не слетит с её уст. Когда она была маленькой, это всё было на уровне простого любования и умиления, но, когда она повзрослела – у парней появилось весьма неоднозначное любопытство к ней. Маркус в день по несколько раз отваживал от неё приставучих ухажёров, что его безумно бесило. Она обладала какой-то магической способностью притягивать к себе мужчин, хотя сама того не желала вовсе, ведь она была ещё маленьким ребёнком в душе, который живёт в своих пушистых розовых мечтах. И Маркус хотел как можно дольше сохранить эту детскую наивность и блеск в её глазах.

«Маркус...»

Внезапно в голове прозвучал голос. Парень подумал, что ему послышалось, что это – нереально, что он бредит, но стал оглядываться в поисках кого-то, кого он сам не знал. Сгустившаяся темнота не давала ему рассмотреть ничего дальше того круга света, что отбрасывали фонари над массивной входной дверью. Шёпот повторился, и Маркус подумал, что начинает сходить с ума.

«Маркус, океан...»

Парень сдвинул голову обеими руками, силясь прогнать странный шёпот, который всё не умолкал, а становился громче и громче... И ближе, прямо за спиной, холодя спину морским дыханием и пуская мерзкие мурашки по спине.

– Маркус? Что случилось? – обеспокоенная Мари подбежала к брату и аккуратно убрала руки от его головы, заглядывая в глаза.

– Мари, иди в дом. Мне надо отъехать по делам. Не переживай, всё хорошо, – для убедительности он поцеловал сестру в лоб и поспешил сесть в машину, стремительно покидая территорию дома.

Он гнал, что было мочи, и по мере приближения к океану этот шёпот угасал, растворялся в темноте. Маркус доехал до конца дороги – по-видимому, она была заброшена, тому свидетельством были ямы и трещины на когда-то ровном покрытии. Там, где асфальт кончался маленькими камешками, начинался скалистый пляж.

Парень заглушил мотор и покинул салон автомобиля, не спеша направляясь к обрыву. Что-то не давало ему покоя, он чувствовал, что что-то неправильно, не так, как надо – но не знал, что именно. Будто он живёт во лжи, будто знает не всё и не может уцепиться за правду.

Взгляд упал на громоздкие камни, о которые тщетно бились волны, лишь сглаживая углы, но не разбивая твёрдый камень. Океан сегодня был спокойным.

Это было опасно, но всё же Маркус решил спуститься к самой воде. Он любил океан: мог часами сидеть на берегу и смотреть на волны, слушать особую мелодию морской воды, от которой всё нутро трепетало, смотреть на заходящее солнце, а короткие мгновения, когда последние лучи скрывались в толще воды, заставляя волны разгораться пожаром, были самыми любимыми. Но и ночью у воды было не хуже – если на пляжах можно было наблюдать за бликами на морской глади, то тут же, на скалистом берегу, не было ничего, лишь свет фар освещал небольшой участок здесь, наверху. Маркус аккуратно спустился к тихо плещущим волнам и наклонился над водой, чтобы почувствовать эту ласкающую и кожу, и душу прохладу.

Странное ощущение заставило поднять глаза на воду – парень стал всматриваться в почти чёрное зеркало водной глади, и в тот же момент его будто током ударило. Он отшатнулся и чуть было не упал. Страх – вот, что вспыхнуло в нём, болью тлея в голове. По виску скатилась капля холодного пота, но пара синих светящихся глаз всё так же смотрела на него из-под толщи воды – неотрывно, не моргая, неподвижно.

– Кто ты? – охрипший голос отозвался глухим эхом, но огни в воде не исчезли.

Тишина лёгкой дрожью разъедала мысли – Маркус продолжал слышать лишь всплески волн и тяжёлый стук собственного сердца в груди. Он с трудом, на негнущихся ногах сделал манёвр в сторону, но глаза в воде только приблизились, продолжая заворожённо смотреть. Трясаясь от страха, парень глубоко вздохнул, медленно подползая к краю, и вновь взглянул в тёмную толщу воды. Опять эти глаза. Но он не стал убегать, лишь зачарованно смотрел в ответ, отсчитывая пять секунд, десять, минуту – ожидая, когда это что-то из воды утащит туда, где всегда холодно, на самое дно, где он проведёт оставшуюся вечность. Но два голубых огонька продолжали пристально следить, следуя за Маркусом, не отрываясь. Юноша медленно, следя, чтобы глаза не исчезли, провел рукой по воде, пуская лёгкую рябь по холодной глади. Волны тут же размыли отражение, отчего Маркус напряжённо отшатнулся, испуганно падая на спину. Так это он. Это он, его глаза. Его светящиеся синие глаза. Парень стал внимательнее всматриваться в слегка трепещущее на волнах отражение и иногда проводил рукой по собственному лицу – чтобы убедиться, что это не сон.

«Маркус, цветок... Иди за ним...»

Опять этот голос. Маркус резко вскочил на ноги, оглядываясь и прислушиваясь к пробирающей холодом до костей ночной тишине – он, кажется, сходил с ума. Ему определённо стоило получше высыпаться и поменьше тренироваться.

Подбежав к машине, он уже было хотел сесть и уехать отсюда подальше, как в темноте заметил едва различимое золотистое свечение, будто кто-то обронил фонарик.

Постепенно свечение приближалось к Маркусу. Он был не в силах пошевелиться, зачарованно смотрел и, когда свечение оказалось на расстоянии вытянутой руки, смог рассмотреть, что это было. Удивительный цветок, который доселе он никогда не видел: золотые лепестки с легким оттенком розового и ярко-красная сердцевина. Он светился тепло, даже горячо, заставляя напряжённое тело расслабиться, и почему-то на душе стало так приятно от этого света, что Маркус незаметно для себя улыбнулся.

«Иди за ним...»

Голос в голове вторил, шептал и тянул за собой. Маркус боялся, боялся этой пугающей неизвестности. Но то тепло, тот уют, что дарил ему цветок, заставили следовать за этим свечением.

Он ехал долго, пока не кончилась дорога. Не теряя времени юноша выскочил из машины и, даже не закрывая дверь, бросился вслед удаляющемуся цветку. Скользя ботинками по острым камням и постоянно поднимая глаза на свечение, боясь потерять его из виду, он бежал дальше. В лицо ударил океанский воздух, и Маркус в последнюю секунду остановился, замер на краю обрыва, ощущая влажный ветер и прислушиваясь к падающему вниз камню. Он сам практически сорвался: ещё бы чуть-чуть и он полетел бы следом, калеча и уродуя своё тело о скалы. Он мог умереть, но в нем не было сейчас страха, Маркус забыл обо всём, он тянулся к свету цветка, который висел над пропастью, парил слишком далеко, чтобы дотянуться.

«Иди, не бойся... Это всего лишь иллюзия...»

И он шагнул. Не раздумывая, не останавливаясь. Маркус и сам не понял, почему сделал это, но что сделано, то сделано. Осознание реальности вернулось слишком поздно – он уже шагнул в пропасть. Парень зажмурился, извиняясь перед сестрой, перед отцом и матерью, потому что он сделал что-то ужасное. Но боли не последовало, он даже не падал. Маркус с опаской открыл глаза и, к своему удивлению, очутился в большой пещере: прямо на камнях были странные приспособления, которые излучали слабый свет, но основным источником света был кривой пролом наверху – оттуда яркий лунный свет освещал практически всё пространство. Юноша осторожно прошел вглубь пещеры, осматриваясь, проводя пальцами по холодному камню, чтобы убедиться, что он не спит. Его шаги тихим эхом разносились по всей пещере, а каждый удар сердца отдавался в висках. Прямо в стенах были высечены полки, а из булыжников – столы – они были уставлены разными непонятными приспособлениями, колбами и старинными книгами. Парень подошел к одному из столов и взял в руки первую попавшуюся книгу. Тяжёлая. А ещё она странно пахла и была вовсе не из бумаги, а из чего-то влажного и гладкого. Он открыл первую страницу и попытался понять, что там. Но этот язык был непонятен, и буквы были какие-то странные. Точнее, чернила. Или это вовсе были не чернила? Маркус отложил книгу и пошёл дальше бродить вдоль полок. На одном из столов он заметил горсть цветов, один из которых и привел его сюда. Но зачем? Да и голос в голове затих и перестал что-либо шептать.

Парень заметил стенд с каким-то странным оружием – палки с наконечниками, каких он раньше не видел, больше походили на копья с крючками. Он хотел было прикоснуться к одному, но шаткая конструкция повалилась на пол, и с грохотом все копья разлетелись в разные стороны. Этот оглушающий звук разнёсся дребезжащим оглушительным эхом по всей пещере, от чего Маркус поморщился. Он присел на колени, начиная собирать разбросанные копья, как вдруг отчётливо услышал всплеск воды. Да, акустика в этой пещере поражала. Парень не знал, куда себя деть, но ответ пришёл сам – не успев подумать, он забежал за ближайший камень, сползая как можно ниже и прижимая к груди обломок копья.

Маркус прищурился и выглянул из-за угла, разглядывая небольшой песчаный участок, омываемый морем. И именно оттуда кто-то или что-то выходило. Маркус, затаив дыхание, зажмурился и старался не смотреть, прислушиваясь к происходящему.

Мужчина босыми ногами прошлепал по холодным камням и, бросив взгляд на свою обитель, напрягся. Всё его оружие валялось на полу, а это значило, что его кто-то трогал. Потому что только он знал, как правильно вытащить его, чтобы не задеть остальные. Он наклонился и поднял с пола одно из копий. Повисла гнетущая тишина. Маркус готов был умереть от страха. Он зажимал рукой рот, чтобы тяжёлое дыхание не выдало его, но в следующее мгновение он вскрикнул от испуга. В паре сантиметров от его ноги воткнулось копьё. Да не просто воткнулось, а пробило каменное ограждение и сделало приличную трещину в полу, прозрачно намекая на то, что парень был обнаружен.

– Кто ты? И как ты сюда попал? Поверь мне, если бы я хотел попасть, я бы не промахнулся, – невероятно низкий и грубый голос разнесся эхом по пещере.

Маркус подумал, что ему показалось, что это его воображение, игра его разума, который только и мечтал оказаться дома, рядом с мамой, сестрёнкой и отцом.

– Выходи, – мужчина наготове держал в руке ещё одно копьё.

Маркусу не показалось. Не веря своим ушам, он вышел из-за своего укрытия на негнущихся ногах и взглянул на этого человека.

Перед ним стоял высокий статный мужчина, даже для своих лет он выглядел моложавым и определённо внушал силу.

– Папа? – тихо прошептал парень, будто всё ещё не веря своим глазам. Отец стоял перед Маркусом в одних только плавках и крепко сжимал в руке копьё. Сын и предположить не мог, что папа променял мячи на копьё. И вообще, какого чёрта он тут делает, и что вообще происходит? Эти вопросы кружили в голове Маркуса, не давая спокойно дышать.

У мужчины вытянулось лицо и обычно узкие, раскосые азиатские глаза расширились, выражая крайнюю степень удивления.

– Маркус, что ты тут делаешь? – не менее ошарашенно пробормотал Дайчи и отложил в сторону оружие. Но, по мере того, как он подходил к сыну, ему всё становилось понятно – «сияние» пробудилось.

– Я что тут делаю?! Что тут делаешь ты?! И что это за место?! – взорвался возмущением парень.

Если секунду назад он был напуган, а потом был шок, то теперь в его глазах была смесь беспокойства и тихой решимости. Они сияли голубым пламенем всё ярче и ярче. Глядя на них, Дайчи даже невольно улыбнулся, и, когда подошел к сыну вплотную, лишь прижал его к себе и крепко обнял.

– Значит, время пришло. Пора всё тебе рассказать...

Глава 1

Шестнадцать лет назад

Кровь стучала в висках от напряжения и адреналина. Уже седьмой пот сходил с Дайчи, но он не останавливался, он продолжал уничтожать противников. Напрасно они говорили, что эта игра очень сложная. Сложная чем? Тем, что Дайчи попросту выкладывался на всю? Ведь это именно так. Никто из соперников и близко не мог противостоять этому монстру, этому потрясающему игроку, что недавно появился на горизонте баскетбольного мира Америки и уже успел снискать славу гения. Своим замечанием про тяжёлую игру тренер лишь подстегнул Дайчи, но его ожидания разбились, словно хрустальная ваза. И очередной мяч уже в корзине. Фукуда забил его, даже не прыгая. Он просто замахнулся рукой и бросил, а после развернулся и не спеша пошёл на свою сторону площадки. Он был уверен в том, что попал. Сирена, шелест сетки и удары мяча о паркет лишь подтвердили его правоту.

Удар. Прямо под колено, и парень с трудом удержал равновесие. Резко обернулся лицом к обидчику, скидывая сумку с плеча, но звон оглушил его раньше, чем он успел разглядеть лица двоих – это всё, что он успел понять, прежде чем упасть на колени. Кровь стекала по виску и лбу, засыхая моментально, стягивая кожу и застилая всё перед глазами красной пеленой. Стекло хрустело под чужими ботинками. Дайчи встал, пытаясь стереть кровь с лица, заваливаясь в сторону и опираясь на стену.

– Какого чёрта? – он наконец увидел своих противников. – Нэш, какой же ты убудодок, – Фукуда оскалился и сплюнул в сторону этого напыщенного блондина, стирая со лба пот вперемешку с кровью и крошечком битого стекла, но не спускал глаз с биты в руках Сильвера.

Дайчи видел, что они что-то говорили, но слышал только звон – наверное, это из-за удара по голове, – и с лёгкостью увернулся от удара деревяшкой. Его неожиданно занесло в сторону, и он схватился за голову, его затошнило. Удар по голове вышел слишком сильным, поэтому Фукуда с трудом поднялся, чтобы тут же снова упасть на землю. Он услышал хруст внутри себя, и сердце пропустило удар, когда боль накатила волной, накрывая с головой – его нога была сломана, а Сильвер продолжал бить по колену, превращая его в кровавое месиво. Дайчи, кажется, кричал, но он не понимал: он не слышал, практически не видел, а глаза испуганно искали что-то по сторонам – кого-то, кто поможет, – но натыкались лишь на уродливую ухмылку Нэша.

– *Нэш, это же та японская обезьяна!* – с насмешкой бросил парень, на ходу снимая с себя форменную спортивную куртку. *Эта грудa мышц явно не ожидала увидеть тут одного из игроков, что когда-то обыграли их команду. Те, что считались непобедимыми, проиграли какой-то кучке низкорослых япошек. Тот позор долго преследовал их, и в итоге им пришлось расформировать команду.*

– *И впрямь. Давно не виделись, обезьянка. А сможешь ли победить меня и Сильвера без своих дружков?* – бросил Нэш, подойдя к Дайчи практически вплотную. Он и его напарник очень любили опаздывать на игры, давая противникам мнимое чувство превосходства, а потом уничтожали соперников без возможности отыграться. Эти двое были самыми настоящими засранцами, но они были действительно сильны.

– *Опять вы? Вам одного раза мало было?* – баскетболист даже остановился, чтобы поприветствовать их лично. – *На вас двоих и меня хватит.*

Дайчи ни за что бы не сдал позиции. Теперь-то он понял, почему тренер предупреждал о сложности игры. Да, эти двое были очень способные, и тогда, ещё в школе, им пришлось изрядно попотеть, чтобы выиграть. И сегодня он ни за что не проиграет. Дайчи бросил надменный взгляд на противников и вернулся к игре. Сегодня он выжмет из себя всё, но победит.

Очередной удар пришёлся прямо в висок – оглушительный и не последний. Дайчи безвольной куклой упал на асфальт: сломанной, уже наверняка непригодной, разодранной в кло-

чья изнутри. Больно. Было невыносимо больно и жалко – ему впервые стало жалко себя – до ненависти ко всему, до скрипа песка на зубах. Он был так жалок. Следующий удар пришёлся в грудь: с глухим хрустом, с тупой болью и болезненным вскриком.

– Теперь ты не такой крутой, да? Ты не в своей Японии. У нас тут совсем другие законы. Ну, что скажешь? Будешь ещё мешать нам? – Фукуда подняли с земли за волосы, но ему уже было всё равно: в голове кричали синицы, надоедливо вопили, отрывали по кусочку. Потому что колено не слушалось – оно уже сломано, выгнуто в другую сторону. Потому что он слышал, как битое стекло звенело и разрезало кожу. Потому что сам он уже не чувствовал.

– Алё?!

Дайчи толкнули в стену, и он не сопротивлялся. Ещё минуту назад он бился, он смеялся и надменно смотрел, ещё минуту назад он был жив.

– Подержи его, я ему врежу.

Фукуда не ориентировался в пространстве, больно опираясь на руки, царапаясь о стекло, пытался открыть глаза. Но всё вдруг помутнело, и он повалился обратно на землю, запоздало ощущая острую боль в спине, будто ему в спину вогнали нож. Будто уже не должно быть так больно, потому что больше и не будет ничего. Бита со звоном упала на асфальт, и Дайчи свернулся тут же, рядом с ней. Он не знал, отключился ли он, где он, дышал ли ещё. Через адскую боль закрыл живот и лицо руками, стараясь спрятаться от следующего удара под дых. Он думал только о том, что это больно, потому что эта самая боль не давала думать ни о чём другом.

– Фукуда Дайчи, – его лечащий врач – Гиббс Коллинз – расслабленно смотрел на хмурого парня, измеряя температуру и проверяя имеющиеся результаты анализов, – поздравляю, с сегодняшнего дня вы можете покинуть больницу. И я повторюсь: вам категорически запрещаются любые физические нагрузки в вертикальном положении. Не перенапрягайте свой организм. Желательно много лежать, питание я вам расписал, а также не забывайте про комплекс упражнений, необходимый для успешного реабилитационного периода.

Мужчина говорил медленно, постукивая ручкой по планшету, чтобы все сказанные слова отложились в голове Дайчи, но тот всё равно не слушал. Он тупо смотрел на белую плитку стен, гладил под одеялом колено, с которого сняли гипс, и изредка поглядывал на костыли у кровати, с помощью которых он и мог передвигаться весь этот месяц.

– Вы меня слышите? – доктор щёлкнул пальцами перед его лицом, привлекая внимание.

– Да, док, слышу, – безразлично выплюнул Фукуда и, наконец, перевёл глаза на него.

– Я знаю таких, как вы, – доктор нахмурился и раздражённо закатил глаза. – Мне не должно быть стыдно перед вами – это не я сломал вам пару десятков костей и жизнь в придачу, но как бы мне ни было неприятно об этом говорить – про спорт можете забыть.

Дайчи был уверен, что он – не первый пациент, кому это говорят, но также был уверен и в том, что даже после сотого раза непросто говорить людям, что их жизнь кончается в этих стерильных четырёх стенах. Дайчи был уверен – он знал это, он видел, – но до ужаса хотелось кричать, бить его, обвинять во всём. Хотелось, чтобы всё закончилось.

– Но, док, – Фукуда не был таким слабаком, как могли подумать, – есть же те, кто смог вернуться в спорт и с травмами похуже.

– То, что у вас четвёртая степень смещения позвонков, а не пятая, не значит, что вы встанете на ноги, – было видно, что доктор не хотел вообще говорить об этом. – Ваши мышцы и так атрофировались за эти два месяца, один из которых вы даже двигаться не могли.

И Дайчи кивал на каждое слово о том, что он останется инвалидом, что спортом заниматься не просто нежелательно, а запрещено навсегда; что он не приведёт себя в форму; что после тех трёх операций, проведённых на его позвоночнике, выживает лишь чуть больше поло-

вины пациентов; что титановые винты в него вкручены не просто так, ведь без них он не сможет двигаться; что его колено собирали по кусочкам; что реабилитация займёт годы. Он вскользь послушал рекомендации по продолжению своего отнюдь не радостного существования, потому что многолетнюю реабилитацию сложно назвать жизнью. Дайчи понимал, но не хотел слышать этого.

Порой Гиббс видел, как Фукуда смотрел на себя в зеркало, ходил туда-сюда, чтобы увидеть свою уродливую походку со сгорбленной спиной, с неестественно выгнутой поясницей. Видел, как он хромал, как сгибался от боли, а потом проводил дрожащими пальцами по впалым щекам и грустно улыбался, потому что плакать не было сил.

– Если это всё, – тихо начал парень, – то я, пожалуй, пойду. – Дайчи с трудом скинул ноги с кровати, надевая тапочки.

– Я бы рекомендовал вам побыть здесь ещё некоторое время, – да, доктор надеялся, что тот останется ещё хотя бы месяца на три, чтобы начать реабилитацию под его присмотром, чтобы всё было правильно и не спеша.

– Моё лечение окончено? – холодно отозвался Фукуда.

– Да, – быстро ответил доктор и протянул бумаги для его подписи, потому что он действительно мог уйти, и док не смог бы его остановить.

Личные вещи Фукуда ещё с прошлого дня лежали сложенными в грязную и испачканную его же кровью спортивную сумку, так что, не дожидаясь продолжения безумно увлекательной беседы, он перекинул кладь через плечо и прошёл к двери, нашаривая телефон в кармане, чтобы вызвать такси. Наличных должно было хватить, чтобы доехать до пляжа, ведь Дайчи и не собирался домой, он не хотел светить свою кредитку – сейчас он просто желал побыть в тишине, просто подумать. Эти два месяца он никогда не оставался один – с ним постоянно сидели, его постоянно караулили. Он мог успеть скрыться во внутреннем дворике, среди деревьев, но Гиббс слишком быстро его находил, и санитары возвращали его в палату, где за ним снова следили.

– Сэр, – водитель вбивал названное место в навигатор, параллельно успевая разглядывать высокого, худощавого, но всё ещё подтянутого парня с закатанной штаниной больничной пижамы и перемотанным бинтами коленом, – это место находится за чертой города, вы уверены, что...

– Да, – рывкнул Фукуда, с трудом садясь на заднее сидение.

Поездка заняла по меньшей мере час, который Дайчи истратил на прояснение ситуации для самого себя.

«Что теперь?» – эта мысль упрямо не хотела исчезать из головы. Реальность звенела, трещала по швам от осознания того, что он сломан. Сломан бесповоротно, окончательно – это значит, что всё кончено?

Расплатившись с таксистом, он, неизменно хромя, почти подволакивая левую ногу за собой, направился к берегу – туда, где его никто не услышит и не увидит. Руки сами непроизвольно сжались на ремне сумки, и Фукуда криво усмехнулся, сквозь ткань поглаживая баскетбольный мяч. Он всё сильнее погружался в мысли, разрываясь между здравым смыслом и верой в чудо, как вдруг услышал громкий крик:

– Пас! – разнеслось по округе, и Дайчи начал вертеться на месте, пытаясь понять, кто кричит.

Через пустынное поле с редкой травой неслись двое мальчишек, а за ними ещё орава. Они все кричали, перекидывали мяч и бежали куда-то к высоким пальмам. Было слышно, как толпа детей кричала «давай», «быстрее», «бросай», и мальчик с мячиком побежал ещё

быстрее, чтобы пересечь «финишную» черту, скрываясь из виду. Фукуда стиснул зубы и достал свой потёртый мяч, который как раз собирался менять на новый, но не успел.

Он никогда здесь не был, поэтому наугад пошёл вдоль пляжа и наткнулся на старую, потрёпанную жизнью и временем площадку. На щитах сошла краска, кольца были кривыми и лишёнными сетки, но ему хватало и этого. Дайчи пару раз присел, выпрямил спину насколько смог и закрыл глаза, настраиваясь на игру.

«Как же болит рука», – Дайчи чуть поморщился, делая очередной финт. Недавняя травма дала о себе знать в самый неподходящий момент. Но эта боль ни за что не остановила бы его. Да, противостоять этим двоим было невероятно сложно, но благодаря большому отрыву до их появления, команда Дайчи сейчас отставала всего на два очка. Он и предположить не мог, что будет настолько сложно, но он был уверен, что ни за что не проиграет. Сжав челюсти до скрежета зубов, парень лишь ускорился: нужно было заработать эти грёбаные три очка для победы. Оставалось каких-то пять секунд, нужно было что-то решать. Он уже забежал в зону, и возвратиться для трёхочкового броска просто не хватало времени.

– Тварь, ты не пройдешь! – Нэи встал прямо перед Дайчи, блокируя его.

– Я не проиграю! – невозможная боль в руке, парень смог обойти противника, используя очередной нереальный финт. «Я не проиграю» – эти слова эхом отдавались в голове. Он будто кожей чувствовал, что Нэи ринул за ним.

Дайчи прыгнул, а за ним и противник – он намеревался заблокировать бросок сверху, и это у него получилось бы, но Дайчи не бросил прямой. Он перехватил мяч и кинул его через спину, чуть прогибаясь вперёд.

– Урод, – прошипел Нэи. Ведь помимо того, что эта обезьяна забила, он ещё и заработал штрафной.

Фукуда только лишь самодовольно улыбался. Даже в такой безнадежной ситуации он смог трезво оценить свои возможности и сделал именно то, что от него требовалось. Трибуны ликовали, кто-то пустил волну с его именем, и под оглушающие крики болельщиков Дайчи забил штрафной. Он же сказал, что не проиграет...

Фукуда вспоминал каждое движение того матча. Начал с дриблинга: руки еле успевали за мячом, а двинуться с места вообще казалось невозможным, поэтому он сделал выпад, имитируя пас и проводя финт с Сильвером, который тогда стоял перед ним. Дайчи вспоминал те громкие овации, как люди кричали его имя, как тренер хлопал его по плечу, поддерживая, и он пошёл играть на ворота – медленно, неумело, прыгая на одной ноге, он направился к кольцу. Он потратил на баскетбол всю свою жизнь и не мог остановиться.

– Кто бы сомневался в победе непрезвзойдённой звезды японского баскетбола, Фукуда Дайчи! – это то, что кричал комментатор, когда Дайчи развлекал толпу, игрался с мячом в такт музыке и подбивал трибуны громче кричать его имя.

Фукуда присел, готовясь к прыжку, сжал мяч в руках и запрокинул голову назад – поочерёдно выпрямляя тело, он стремился вверх. Напрягая мышцы ног, затем спину, потом уже руки, он прыгнул, чтобы забить, чувствуя эту мимолётную эйфорию – он смог, он прыгнул, он сыграл. Направляя пальцами мяч, он окончательно выпрямился, завершая свой прыжок данком и опуская руку. Не успев приземлиться, он почувствовал, как тело свело. Волна боли прошла от макушки до пят, разрушая все надежды, втапывая в грязь и не позволяя подняться. Дайчи встал на ноги, но левое колено прострелило с такой силой, что он повалился на землю. Скорчившись от боли в боку, он услышал хруст и глухо взвыл от тупой боли. Почему он? За что? Царапая руки, он бил по остаткам покрытия и мелким камням, стараясь заглушить эту боль. В голове снова взвился рой синиц, не смолкая ни на секунду, убивая что-то внутри каждым вскриком и взмахом крыльев.

Дайчи попытался встать – плевать было на ногу, если она не восстановится, то можно играть и с одной, и с протезом. Он пошёл к откатившемуся мячу и снова присел, снова подался

вперёд ровно до того момента, как почувствует боль. Шаг в сторону – и самый простой финт с последующей перепасовкой оборвались ещё одним хрустом в спине и очередным падением – больно было до дрожи в руках. Но он ни за что не отступит, он будет бороться. Оставалось только лишь соскрести себя с земли, собраться в кучу и уехать домой. И спустя какое-то время он смог – он поднялся на ноги, пытаясь отряхнуть испачканную в пыли больничную одежду. Дайчи поднял свой мяч и крепко сжал его в руках. Он решил, что поменяет его лишь тогда, когда окончательно оправится и вернётся на площадку. Этот мяч стал его талисманом. Именно им он играл до всего этого дерьма.

Когда Дайчи вернулся домой – он вскользь глянул на экран телефона, на сообщение, что пришло ему. Отец лишь спросил, где он был, ведь врач доложил ему обо всём, когда Дайчи покинул стены больницы. Ни одного вопроса о том, что чувствовал его сын, что хотел, и о чём думал. Парень лишь цыкнул и кинул телефон на тумбочку у входа экраном вниз. Он отправился в ванную, на ходу скидывая ненавистную больничную робу.

Дайчи выкрутил смеситель до упора и встал под потоки прохладной воды. Они нещадно били по сгорбленной спине и некогда мощным мышцам. Юноша медленно запрокинул голову, подставляя лицо под струи воды. Они смывали слёзы боли и отчаяния. Он сполз вдоль стены, опираясь на холодный кафель и чуть подрагивая от слёз. Отросшие за два месяца волосы вымокли и закрыли лицо парня, словно занавесью. Было невыносимо больно, обидно и тяжело. Тяжело от того, что почти никто не поддерживал его, все отворачивались и даже не пытались понять, насколько ему плохо сейчас было. Даже друзья из школы не звонили и не писали. Может, они просто не в курсе? Возможно. Но Дайчи не тот человек, что будет звонить и жаловаться на несправедливость судьбы. Но как же было обидно – по-глупому, по-детски, но обидно.

– Хватит, – тихо прохрипел Дайчи. Он сильный и сам сможет побороть всё это.

Придерживаясь за дверцу душевой, парень потихоньку вылез и сразу пошёл к зеркалу. Опираясь на раковину, он всматривался в собственное отражение, и ухмылка вдруг тронула его губы. Каким же он был жалким. Дайчи запустил пальцы в мокрые волосы и зачесал их назад.

– На бабу похож, – прокомментировал парень. Он достал из нижнего ящика машинку для стрижки и, недолго думая, включил её и провёл по голове. Волосы падали на плечи, раковину и пол, но Дайчи это не волновало. Он хотел вернуться к прежнему себе, и первым шагом на его пути было состричь эти, как он сам про себя думал, «бабские» патлы.

Из ванной он вышел уже более уверенным, руками шупая затылок на предмет пропущенных кусков, но вроде бы он смог состричь всё ровно. Парень вернулся за телефоном, разблокировал его и, не увидев ничего нового, бросил его обратно. Он направился на кухню. Захотелось есть. Но, открыв холодильник, он не обнаружил там ничего. Совсем ничего. Видимо, уборщица выгребла отсюда всё съестное. Ничего не оставалось, кроме как заказать еду в ближайшей забегаловке. Он вновь вернулся за телефоном и стал искать, чего бы съесть сегодня. Что-то нереально вредное и с убийственным количеством углеводов. Ведь в больнице ему не позволяли и лишнего куска съесть. Плевать он хотел на указ и диету врача. Оно ему не нужно, он сам сможет восстановиться, как раньше.

Всю ночь Дайчи лежал на кровати и глядел в потолок, обдумывая про себя план, по которому будет идти, чтобы вновь играть. Главным пунктом было избавиться от этой боли в спине. «Колено можно будет купировать, ну или отрезать ногу к чёртовой матери и приделать протез», – так размышлял парень и периодически пролистывал статьи в телефоне, вычитывая интересное и делая заметки. И как только часы показали восемь утра – он собрался, оделся и уверенной походкой – насколько это было возможно – покинул квартиру.

Сев в свой новенький автомобиль, Дайчи принялся забивать первый адрес из списка, который он всю ночь составлял. Он верил, что найдётся тот врач, который сможет поднять его на ноги и вернуть в спорт. Должен был быть способ.

Дайчи колесил по дорогам Лос-Анджелеса до самого вечера, прерываясь на перекусы и заправку машины. Каждый раз он слышал лишь одни и те же слова: «Шансов нет. Это чудо, что вы вообще ходите». Все они говорили, словно под копирку, стоило им лишь увидеть рентген позвоночника.

Последний адрес из списка – и он не услышал ничего нового. Лишь наставления, что ему следует беречь себя. Но это было не в планах Дайчи. Он был зол. Чертовски зол. Парень сжимал руль со всей силы и гнал, куда глаза глядят. Просто чтобы уехать и забыться.

Он ехал долго, совершенно не глядя на ориентиры и знаки. Просто хотелось убежать от этой реальности. Но дорога кончилась, и пришлось резко тормозить, чтобы не полететь прямиком в океан. Он пару секунд пытался привести сбившееся от испуга дыхание в норму, и когда успокоился – сдал чуть назад.

Взглянув в зеркало заднего вида, он увидел на сидении мяч. Он вспомнил, что забыл его после игры в стритбол на пляже. Тогда он опять произвёл фурор.

Дайчи горько улыбнулся и покинул автомобиль, цепляясь за дверь, потому что опираться на левую ногу было невозможно.

Достав мяч, он прижал его предплечьем к телу и медленно пошел вперед, на заброшенный участок дороги. Пока он стоял тут, посреди высоких пальм и острых камней у самого берега, а также редких участков песка – воспоминания о прошлой жизни вновь всплыли в памяти...

– Он неудержим! Лучший нападающий среди старших школ! Сильнейший – Фукуда Дайчи! Одержит ли он сокрушительную победу в последнем для него турнире в старшей школе, или же уступит свой титул? Осталось чуть меньше пяти минут, и мы узнаем, кто станет победителем!

Дайчи провел рукой по мячу, чувствуя его шероховатость и такую приятную упругость. В некоторых местах он стал гладким: мяча никогда не хватало надолго, каким бы хорошим он ни был – максимум на неделю, а после он уже был непригоден для нормальной игры, поскольку становился полностью гладким и скользким.

Парень с силой сжал в руках то, без чего не сможет жить – его смысл жизни. Он наивно полагал, что сможет отодвинуть баскетбол на второй план после старшей школы и сделать упор на учёбу, как того желал отец, ведь его многомиллионная корпорация в будущем когда-то должна была перейти сыну. Дайчи ненавидел это. Он был бунтарём – не хотел жить по правилам этого странного мира, не хотел подчиняться отцу. Но что он мог без обеспечения родителей? Без их денег? Если в школе они закрывали глаза на пристрастие ребёнка к баскетболу, считая это неотъемлемой частью школьной жизни, то с её окончанием нужно было двигаться дальше, в том направлении, которое диктовал отец. Да, ему позволили играть и в университете, но с условием, что он будет усердно учиться и познавать тонкости ведения бизнеса. Но Фукуда не хотел этого, не хотел прожить жизнь, как отец: сидя за столом, разбираясь в бумажках, и умереть от переутомления с уставшими пустыми глазами, а не там, на площадке, с улыбкой на лице. Без сожалений. В школе никто и предположить не мог, что где-то ленивый, часто грубый и хамоватый парнишка был наследником корпорации – у него не спрашивали, а он и не рассказывал. Только лишь баскетбол имел для него значение. Когда он играл на площадке, он не думал ни о чём, кроме этих мгновений – все было неважно, ничего не имело значения, он забывал про внешний мир, про свои проблемы, про завтра. Он был на площадке, за границами которой не существовало ничего от сирены до победного мяча.

Дайчи горько улыбнулся, прикладывая прохладный мяч ко лбу. Ещё в больнице он думал, что это было сделано будто специально – будто кто-то свыше подписал указ, чтобы лишить его

возможности играть. Но, видимо, этот кто-то не знал, что он лишил Даичи и смысла жизни. Ведь он был уже взрослым, и должен был учиться, беззаботная юность и детство с баскетболом подошли к концу. Но как в одночасье расстаться с тем, что являлось частью тебя на протяжении всей жизни? Даичи просто не мог смириться с этим.

«Первый, второй, третий...»

Он обходил противников молниеносно, не сбавляя оборотов, концентрируясь только на происходящем. Даже его бывшие товарищи по средней школе не могли остановить его. Никто не мог. А ведь они были настолько непобедимой командой, что их даже нарекли «Лучшими из своего поколения». Осталось победить лишь бывшего капитана, Даичи ведь уже делал это и намерен был повторить. Когда он научился играть в команде? Наверное, именно тогда, когда понял, что без товарищей ему не победить. Когда-то самолюбие и завышенная самооценка застилали ему глаза, но он вовремя успел осознать, что один не справится. И именно сейчас, когда так важна помощь, его сокомандник ставит блок, давая возможность асу команды двигаться дальше.

«Четвёртый...»

Бывший капитан всегда был невероятно сильным и расчетливым, но какой бы ум, какая бы внимательность и реакция у него ни была, он никогда не сможет сравниться со скоростью Даичи. И в этот раз он не смог.

«Пятый...»

Он отбил пару раз мяч о неровную поверхность асфальта, отчего мелкие камешки разлетелись по сторонам, а некоторые отлетели в ногу парню, но он не обратил на это внимания. Он явственно видел перед собой ту самую финальную игру в старшей школе, когда он обыграл всех. Как были быстры его проходы, невероятные прыжки и броски.

Он начал играть, закрыв глаза, вспоминая крики болельщиков, скрип кроссовок и звуки сирен. Лёгкий морской бриз ласкал его тело и развеивал незастёгнутую рубашку, создавая лёгкую и непринуждённую атмосферу, позволяющую погрузиться в воспоминания полностью.

Даичи пошёл в наступление, ускоряясь, петляя из стороны в сторону. Резко остановился, смещая центр тяжести, и бросил пас. Но от резкого торможения в колене что-то противно щёлкнуло, расходясь волнами боли по всему телу. Но он не остановится, нет. Сквозь нарастающую боль он продолжил играть. Сделал выпад вперёд, делая упор на больную ногу. Ведь надо лишь перетерпеть, верно? И всё будет, как прежде. Он сможет побороть это. Потому что не представлял те дни, когда он оставит баскетбол, и даже слова всех этих врачей не остановят его. Но как же больно. От каждого движения, каждого шага становилось только тяжелее, нога словно онемела и была, как чужая. Еще чуть-чуть, он почти забежал в зону. Нужно бросать. Преодолевая боль и сдерживая слёзы, он прыгнул, прогибаясь назад. Прямо как тогда, в Токио, на последних секундах матча. Но агония в спине пришла неожиданно, заставляя тело биться в судорогах. Он упал прямо лицом на камни, даже не смог подставить руки. Рефлексы оставили его. Все его тело скрутило от боли. Крик раздирал горло, и, хоть немного, но приглушал ту пульсацию в районе поясницы.

Даичи лежал на потрескавшемся асфальте, а из разбитой скулы тонкой струйкой стекала кровь. Он плакал от собственной немогущности и бессилия. Ногтями царапал асфальт, словно пытаясь оторвать его напроочь. Он даже не мог подняться на ноги, просто лежал и смотрел на розовеющую полоску заката на водной глади, представляя, что он не здесь среди звенящего одиночества, что не лежит сейчас на остывающем асфальте среди скал. Он там, где его душа, где было его место, его смысл жизни.

Даичи настолько был сломлен как морально, так и физически, что не замечал ничего вокруг. Не заметил и того, как заинтересованно смотрели на него из-за небольшого камня у самого берега.

Она смотрела на него неотрывно, не моргая, но оно ей и не было нужно. Незнакомка разглядывала неожиданного «гостя» в их месте. Ещё когда парень появился у самого края – она хотела было в привычной манере помахать своей подруге, но вместо хрупкой девушки с яркими рыжими волосами появился странный человек. Она не выдала себя, лишь спряталась за камнем и стала наблюдать. Высокий, красивый, с загорелой кожей – он стоял в расстёгнутой рубашке, глядел вдаль и перекатывал в руках странную вещь оранжевого цвета. Хотя, как она могла говорить о красоте людей? Она ведь ничего толком о них не знала, и так близко она увидела человеческого мужчину впервые. Он показался ей красивым, но его глаза – они были будто безжизненные, а лицо не выражало ни единой эмоции.

Незнакомец начал делать какие-то странные движения с этой оранжевой штукой, но это было очень красиво и захватывающе. Ей до безумия понравилось, отчего слабый огонек заинтересованности загорелся в её голубых глазах. Она заворожено смотрела на каждое его движение, ловила каждый вздох, а когда он упал и начал кричать от боли – она почти что вышла из своего укрытия и чуть было не выдала себя. Ещё бы чуть-чуть, и её бы обнаружили, но она успела вовремя приструнить себя. Оставалось только с силой сжимать мелкую гальку в руках и продолжать смотреть. Она была готова поклясться, что чувствовала его боль, буквально ощущала её на своей коже, даже кровь на кончике языка, но она была уверена, что ему больнее. Девушка прижала руку к груди сильнее, чтобы отрезвить разум и глотнуть спасительного воздуха, но с каждым его криком дышать становилось лишь тяжелее. Ощущение были сродни тому, когда она заплывла в ту бездонную расщелину, и в какой-то момент дышать стало больно. Но сейчас всё было иначе. Это – не давление от толщи воды, это – живые эмоции. Чистые, неподдельные, но такие болезненные. Она была лишена способности самой испытывать эмоции, лишь высшие могли делать это. Обычные же – такие, как она – могли довольствоваться лишь тем, что с ними делились ими, и этого хватало. Еще никогда она не испытывала чего-то подобного, и никогда не хотелось бы, ведь это чувство пожирало изнутри. Его эмоции были слишком сильны.

Она настолько сильно была увлечена этим парнем, что напрочь забыла, зачем приплыла сюда. Это будто отрезвило её, и она тут же принялась оглядываться.

Действительно, её подруги не было подозрительно долго, и девушка начала уже переживать, не случилось ли что с ней. Ведь она никогда не опаздывала на встречи. Ровно в тот момент, когда солнце касалось горизонта, они встречались на этом месте и весело проводили время. Сейчас же солнце уже скрылось за горизонтом, но её всё ещё не было.

Девушка попыталась побольше выглянуть из-за камня, чтобы посмотреть, не пришла ли подруга. Но вместо этого странный человек стал шевелиться на земле, а вскоре и вовсе поднялся. Она подумала, что её заметили, и нырнула под воду, стремительно отплывая от берега.

Боль ушла так же внезапно как и появилась, что дало возможность встать и пойти к машине. Прихрамывая и рукавом вытирая запекшуюся кровь, парень сел в машину и уехал, скрипя покрышками и поднимая столбы пыли в воздух. Сегодня он проиграл...

Заметив свет фар, девушка вернулась к тому самому камню. Парень уехал, оставив после себя лишь ощущение присутствия и мяч. Она будто гипнотизировала ту оранжевую штуку, что была на расстоянии вытянутой руки. Видимо он прикатился сюда из-за порывов ветра. Любопытство взяло вверх, и, трясаясь от страха, она протянула руку, пальцем касаясь мяча.

– Марис, что делаешь?! – раздалось над самым ухом.

– А-а-а! – прокричала та. Она так сильно испугалась, что чуть было не выпустила ядовитый мускус. – Зачем так делать, Уилл? А если бы я тебе навредила? – облегченно вздохнув, Марис вернулась к изучению непонятого предмета. Она настолько сильно была сосредоточена его рассматриванием, что даже не заметила приближение подруги. Ну или она просто привыкла к её присутствию, её запаху и «свету».

– Прости, я не думала, что ты так отреагируешь, – посмеиваясь проговорила девушка, и расстелив свою кофту на камне, уселась на неё, и только хотела начать говорить про странного парня, как ей даже не дали начать.

– Что это? – тыкнула пальцем в оранжевое что-то и вопросительно взглянула на подругу.

– Это? Баскетбольный мяч, – девушка взяла немного промокший мяч в руки и пару раз подбросила его в воздух.

– Ты мне как-то рассказывала, что у вас под водой воины играют во что-то похожее. Ну, где два кольца, и хвостами надо бить по камню. Прости, забыла как называется.

– Апрок.

– Да! Точно. Ну, вот, у нас тоже что-то похожее есть. Только мы играем руками, и наш мяч пружинит от пола. Там внутри – воздух, и кольца намного меньше ваших, раз так в десять, – девушка отложила мяч и попыталась руками показать примерный диаметр баскетбольного кольца.

– Да невозможно попасть в такое маленькое кольцо!

– Оно ещё находится высоко. Вот если ещё одна такая же, как я, встанет мне на плечи – вот это высота кольца.

– А как же тогда? – Марис смотрела на свои руки, чуть склонив голову вбок и шевеля пальцами, пыталась представить, как это так – попадать в такое маленькое кольцо на большой высоте. Ведь они не в воде, и подплыть не получится. Она просто не могла понять, как.

– Забудь, Марис. Нужно много тренироваться, чтобы хорошо играть. У нас в университете все помешаны на этом баскетболе, – фыркнула девушка, вспоминая, как толпы этих напыщенных придурков ведут себя в стенах университета. И как вокруг них вились разные девицы. Уилл называла их – проститутки. Самое краткое и точное описание этих размалёванных куриц в мини-юбках.

– Уилл, а тот парень, который был тут. Он долго тренировался? – как-то неуверенно пробормотала Марис. Она всё ещё чувствовала тот неприятный осадок, что остался после него. Раньше лишь Уилл могла дать почувствовать новые эмоции. Такие, как: радость, привязанность, доверие, доброта. Была и грусть, но она крайне редко мелькала между ними.

– Какой парень? – тут её осенило. Она стукнула себя по лбу за собственную беспечность и плохую кратковременную память. Она могла помнить то, что происходило годы назад, в мельчайших деталях, но порой не могла запомнить, что было пару минут назад. И сейчас она напрочь забыла, почему спрятала свой скутер в кустах подальше от места, где обычно паркуется, и пробиралась к Марис по берегу через скользкие камни. А всё потому, что заметила автомобиль на дороге, где привыкла бросать своё транспортное средство. И какого чёрта тут делал баскетбольный мяч, она также забыла. – Он тебя видел? И с чего ты взяла, что это парень? – обеспокоенно проговорила Уилл.

– Нет, он не видел меня, – девушка вылезла из воды и села рядом с подругой на камень. Она подтянула ближе свой рыбий хвост с жёлто-бирюзовыми крупными чешуйками, что так красиво переливались. – Ну, ты говорила, что только у девушек есть грудь, и парни почти никогда не носят длинных волос. Хотя для меня это всё ещё странно. Ведь у нас волосы – это символ силы и благородства.

Марис улыбнулась и принялась пальцами расчёсывать свои золотистые локоны, которые тут же обсохли, стоило ей вылезти на берег. Ветер развевал крупные локоны, что слегка подсвечивались лёгким сиянием в этих сумерках.

– Хорошо, что он не заметил, – девушка облегчённо вздохнула. – Ну, у нас считается это некрасивым, хотя парней с длинными волосами я видела, и многие выглядят просто супер.

Уилл мечтательно закрыла глаза.

– У тебя появился парень? – глаза русалки загорелись интересом, она оставила в покое свои волосы, перебрала их через плечо и чуть наклонилась к подруге.

– Ага, сразу два, – саркастично заявила девушка.

– Два?! – светлые брови Марис поползли вверх от удивления. – Но так же нельзя!

– Да я пошутила! – звонко рассмеялась Уилл. – Кто же будет встречаться со страной рыжей коротышкой, которая видит призраков и разговаривает с ними? А ещё помогает бабуле с зельями и дружит с русалкой. Здорово, правда? – как-то грустно улыбнулась ведьма и, приоткрыв один глаз, взглянула на подругу.

– А что в этом такого? Ну, разве что, ты дружишь со мной. Мы просто крайне редко выходим с людьми на контакт.

Марис действительно недоумевала, почему это считалось у них странным. Она думала, что все люди одинаковые – такие же, как и Уилл.

– Глупая! Я же тебе сто раз рассказывала, что люди обычно от таких, как я, шарахаются. А давным-давно на таких, как моя бабушка, охотились и истребляли. Единицы выжили и теперь стараются лишний раз не высовываться. Хотя сейчас всё больше и больше людей стараются нам подражать, снимают про нас фильмы, пишут книги. Но мне кажется, что если бы они столкнулись в жизни с одной из нас, то реакция была бы точно такая же, как сотни лет назад. На нас бы опять охотились.

– Ты мне не говорила, что на вас охотились. Как это можно – убивать таких же, как и ты? Это ужасно!

– Будто у вас никто никого не убивает?

– За такое сразу изгоняют в Воды Невозврата. Это бывает крайне редко. Мы не конфликтные создания, – Марис улыбнулась и принялась катать мяч туда-сюда. Ей крайне понравилось то, какой он был на ощупь. Но не рассчитав, она толкнула его слишком сильно, от чего он плюхнулся в воду. Марис тут же нырнула за ним. И каково же было её удивление от того, что прижимая мяч к себе, она удерживалась с его помощью на поверхности.

– Да, я в курсе, – Уилл вздохнула и взглянула на небо. Ей нравилось проводить тут время. Даже просто сидя с этим потрясающим созданием рядом, она чувствовала себя лучше, увереннее, и просто спокойнее. Ведь там, в мире людей, ей было некомфортно. С детства над маленькой девчушкой с неестественно ярко-рыжими волосами издевались, дразнили её. А когда – как она предполагала – подруга рассказала всем ребятам в округе, что Уилл разговаривает с привидениями, её стали ещё больше травить. Им даже пришлось переехать из-за этого. Но всё то дерьмо, что она перенесла, компенсировалось в полной мере благодаря Марис. Она будто вдохнула новую жизнь в неё. Мифическое существо и потомственная ведьма, что может быть лучше?

– А какие они, людские мужчины? – нарушила тишину Марис. Она никогда не интересовалась людскими парнями. Да, ей было любопытно узнавать всё новое о людях в целом. Как они живут, что едят, что любят и всё-всё. Но, когда она увидела этого грустного парня, увидела, как он плачет и кричит, почувствовала его боль, ей захотелось узнать о них побольше.

– Нашла, конечно, у кого спросить. А, тебе же больше и не у кого, – прыснула от смеху Уилл. – Ну... Они очень самовлюбленные, неопрятные, грубые и наглые.

– И грустные?

– Нет, они не грустные. Ты что, всё о том парне думаешь? Да прекрати, он больше сюда не придёт. Даже не представляю, что ему тут надо было. Здесь в округе ничего нет.

Но он пришёл. Приходил исправно каждый день и каждый день он пытался играть, и каждый день он кричал от боли, плакал и лежал на остывающем асфальте. Парень приходил в одно и то же время – когда Марис и Уилл встречались на берегу. Поначалу этот парень серьёзно мешал им, но через какое-то время они привыкли к его присутствию, к тому, что он негласно

был с ними. Девушки прятались за камнями, наблюдая за одной и той же картиной каждый день.

Уилл говорила, что он чем-то болен, или у него что-то сломано, поэтому он не мог нормально играть, и поэтому постоянно кричал. Но, тем не менее, ей нравилось его упорство, с которым он каждый день пытался побороть свой недуг. А сколько же восхищения и трепета было в глазах Марис. Она смотрела на него, затаив дыхание, а когда он плакал – она невольно прижимала руки к груди в немом жесте сочувствия. Она хотела помочь этому парню, но абсолютно не знала как, поэтому оставалось только сидеть за камнем и наблюдать.

Сегодня, по обычаю, они собрались, чтобы поболеть за этого парня. Каждый день они надеялись, что именно сегодня он сможет перебороть свою боль и не будет больше кричать. Но он не пришёл, его не было подозрительно долго, отчего Марис начала нервничать и от этого была хвостом по воде, создавая волны.

– Может, у него дела, – развела руками Уилл, кутаясь в тёплую кофту. Да, погода сегодня была ужасная. Ветер пронизывал до самых костей, и хотелось как можно быстрее оказаться дома, закутаться в тёплый плед и почитать какую-нибудь бабушкину книгу.

– Нет. Я чувствую что-то нехорошее. Что-то должно случиться нехорошее.

Она действительно чувствовала какую-то тревогу. Какую-то тяжесть в районе груди, от чего лёгкие будто сдавливало. Не говоря ни слова, Марис оттолкнулась руками от камней и изящно прогнувшись в спине, нырнула в воду. Огибая острые скалы и проплывая между булыжниками, она стремительно плыла туда, куда вело её сердце и внутренний голос.

– Марис! Что за чёрт?!

Уилл вскочила на ноги и поднялась чуть выше, где была ровная дорога. Уже было темно, поэтому сияние чешуи и плавников Марис отчетливо виднелись в воде, недалеко от берега.

Уилл быстро добежала до места, где прятала свой скутер, и, сев на него, поехала вдоль берега, периодически подглядывая в воду, чтобы не потерять Марис из виду. Где-то над океаном сверкнула молния, и оглушительный раскат грома эхом раскатился вдоль побережья. А сильный ветер и вовсе намеревался сбить Уилл с ног. Бросив взгляд на беспокойное море и высокие волны, девушка запереживала ещё больше. Сегодня определённо будет шторм. Чем дальше ехала Уилл, тем круче становился берег, и через какое-то время она заметила знакомую машину. Ту самую, которая приезжала сюда каждый день на протяжении прошедших двух недель. Она поддала газу, от чего камни, вылетая из-под небольших колес, барабанили по крыльям скутера. Уилл только успела обогнуть машину, и заметила лишь то, как парень прыгнул с обрыва.

Глава 2

«И кто я теперь? Для чего я живу?»

Дайчи стоял на самом краю обрыва и глядел на беспокойное море. Оно сейчас будто вторило его чувствам, той буре в душе, что накатывали волнами безысходности на всё, что когда-то было для него значимым и привычным. Так же, как волны, что обрушивали свою мощь на прибрежные скалы, так и отчаянье в его душе – разбивало вдребезги все его чаяния и мечты.

Дайчи надеялся, что будет той самой скалой, которая всё выдержит и перетерпит. Но не в этот раз. Медицина твердила, что ему больше никогда не вернуться на площадку, никогда не испытать того адреналина и эйфории после игры. Он даже не мог приходить на игры своей команды, ведь завсегдатай спортивных соревнований – запах обезболивающего спрея – был знаком до зубовного скрежета, до боли в сердце.

А ведь у него случались травмы и раньше, но он всегда плевать хотел на ограничения врачей и тренера. И всё было хорошо, но в этот раз всё иначе – всё было неправильно, не так, как нужно; не так, как хотелось. Всю неделю он пытался перебороть эту боль, убедить себя, что вот-вот, если ещё чуть потерпеть, то она пройдёт, но итог всегда был один. Каждый проклятый день он лежал на этом куске заброшенной дороги, смотрел на закат и ждал, когда пустота внутри, наконец, поглотит его. С каждым днём становилось лишь тяжелее, с каждым днём он терял надежду. Он лишь продолжал влачить своё жалкое существование. Так хотелось сдаться и просто умереть. Будет ли это смерть физическая или душевная – не важно. Он был подавлен, истерзан, разбит.

Дайчи открывал глаза и видел звёзды, чувствовал дыхание моря на своей коже и продолжал существовать в огромном мире, где то, ради чего он жил, больше невозможно. Он снова лежал там, где его никто не найдёт, там, где он один, где он гниющий, с оголёнными чувствами. Он уже не тот непобедимый Фукуда Дайчи, потрясающий игрок, восходящая звезда. Он сломан и потерян, так слаб, что даже покончить с собой не мог, а лишь продолжал жалеть себя. Но слишком простая мысль, которую он так настойчиво обходил, наконец, вырисовывалась в голове – он сможет снова стать свободным.

Да, несмотря на натянутые отношения с родителями, они заслужили знать, что случилось с сыном, и куда он пропал. Он хотел написать длинное письмо, но просто не смог придумать, что сказать, да и зачем? Было больно уходить, зная, что не вернёшься. Написав корявым почерком: «Спасибо и прощайте», в спешке он оставил свёрнутый листок на стеклянном столе в уже давно чужой ему спальне. Невольно взгляд зацепился за огромный шкаф, расположенный вдоль стены, где были выставлены все его награды: начищенные кубки, блестящие медали и красные грамоты. Только первое место, только золото, только лучший. Как он сможет забыть своё прошлое и жить абсолютно новой жизнью? Да, у него много перспектив, огромные возможности и без спорта. Отец всегда считал это его увлечение обычным хобби, но для Фукуда это было именно то, чем он хотел заниматься всю свою жизнь.

«Интересно, а будет больно?» – подумалось Дайчи, когда он представил, как полетит вниз, цепляясь за острые скалы, уродуя своё тело ещё больше и находя покой на дне океана.

– Не больнее, чем эта сраная боль в спине, – сам себе ответил парень и тяжело вздохнул.

Рано утром, когда никого не было в округе, даже солнце ещё не показалось из-за горизонта, он пришёл на пустынную площадку, чтобы сыграть в последний раз, в последний раз услышать шелест сетки, скрип кроссовок и стук мяча. В последний раз почувствовать себя живым.

За эту неделю он смог определить для себя черту, узнать, насколько он может напрягать своё искалеченное тело. Дайчи считал себя инвалидом. Раньше он недолюбливал своё тело

из-за того, что оно не могло вместить и показать весь его талант и потенциал – как бы он ни тренировался, всегда существовала физическая грань, через которую просто невозможно было переступить. Всему был предел, и именно он так раздражал Дайчи. Но сейчас когда-то нелюбимое тело стало просто отвратительным. Он даже не мог выпрямиться в полный рост – эта сковывающая боль в спине просто не давала этого сделать, не давала вздохнуть полной грудью, не давала жить.

Ещё вчера он всё для себя решил, он должен покончить с этим дерьмом раз и навсегда. Дайчи просто не видел другого выхода. Но сейчас, стоя на самом краю, он колебался. Всё же страх давал о себе знать. Порывистый ветер то и дело будто отталкивал Дайчи от обрыва, или он просто боялся смерти, боялся той неизвестности, что уже ожидала его, боялся упасть в неё? Океан будто просил его не делать этого, но скулящая боль была сильнее – он понимал, что просто не сможет жить с ней.

Дайчи всегда был эгоистичным, его нисколько не волновало, что будут чувствовать его родители, друзья и знакомые. Возможно, если бы он поговорил с кем-то по душам – смог бы выкарабкаться из этой ямы отчаяния, но все лишь вскользь интересовались его самочувствием и тем, как прошли операции. Но что больше волновало друзей и родителей, так это то, как там продвигалось уголовное дело. И ни одна тварь даже не спросила, как он, тяжело ли ему, и что он собирается делать дальше, как жить. Дайчи понял, что людям совершенно не важно, что он чувствует, так почему же тогда он должен заботиться о том, что они подумают, когда он просто исчезнет?

– Да пошло оно всё.

Парень с силой сжал кулаки и шагнул в пропасть. Он зажмурился, впервые за долгое время ощущая спасительную лёгкость, задержав дыхание от пелены робкого страха, чувствуя, как по спине бегут мурашки – ещё пара мгновений, и он больше не будет ничего чувствовать. Всё уйдет. В голове опять стояли моменты из игр. Каким он был непобедимым и волевым, каким он был всегда. Но, чем выше ты забрался, тем больше падать, и Дайчи не смог опраться от этого, его воля сломалась.

– Нет!

Громкий вскрик заставил Фукуда распахнуть глаза, и что-то внезапно сжалось глубоко внутри. Он успел лишь заметить голубое свечение в высокой тёмной волне, которая так вовремя ударила о скалы, после чего наступила долгожданная тьма – бездна забвения, в которую Дайчи сам шагнул.

Марис захлёбывалась от крика, ныряя в крутые волны, и судорожно оглядывалась вокруг, чтобы увидеть того парня с пляжа. Сердце болезненно сжималось, но непонятное чувство, которое она испытывала, позволило мыслить здраво – девушка бросилась к скалам, царапая ладони о склизкие ракушки и путаясь в длинных водорослях, что норовили утянуть её на дно. Огромная волна неожиданно подтолкнула Марис к берегу, накрывая с головой, но внезапно весь шум стих, когда послышался громкий всплеск. Она пыталась остановиться, барахтаясь в волнах, пока её несло на скалы. Болезненный удар спиной об острые камни, не поддавшиеся мягким волнам, оглушил девушку, заставляя потеряться в пространстве, глухо вскрикнув от режущей боли – красная дымка крови окутала рваную рану и тут же растворилась в воде. Марис согнулась, пытаясь зацепиться за что-нибудь, чтобы течение не унесло её ещё дальше, но в нос ударил запах крови. Чужой крови. Сердце сжалось от повторной волны неизвестного и ужасного ощущения глубоко внутри, что разгоралось пожаром в голове, и русалка рванула с места, огибая скалы, сдирая кожу и чешую, цепляясь волосами за камни. Она осматривала тёмное холодное дно, утягивающее всё, что сможет. Марис почувствовала тепло – где-то очень далеко, но она почувствовала. Она двинулась с места раньше, чем успела осознать, но даже она ничего не могла разглядеть в такую погоду – когда каждая волна лезвием проходила по ранам на спине. Руки тянулись туда, где что-то было, но всё тщетно – холодное течение уносило всё

в море. Вдруг пальцами она коснулась чьего-то тела и тут же вздрогнула, хватая его за руку. Облегчение заглушило боль, и девушка потянула парня за собой на поверхность.

Марис плыла в их с Уилл тайное место – там они могли беспрепятственно общаться, плавать вместе и смеяться. Там было безопасно. Оставалось совсем немного до заветной пещеры, но в следующее мгновение Марис чуть было не вскрикнула от неожиданности – очередная волна накрыла их, а огромная акуля пасть щёлкнула совсем рядом. Девушка зашипела, притягивая парня ближе к себе, будто это и впрямь могло отпугнуть акулу, а сама не знала, что делать, ведь из её раны до сих пор сочилась кровь. Марис могла надеяться лишь на то, что юноша не захлебнётся, потому что если она продолжит плыть спиной – они непременно станут ужином для акул. Девушка в долю секунды перевернулась лицом вперёд и ускорила настолько, насколько смогла. Она чувствовала преследование уже не одной особи. Эти твари очень любили лакомиться такими, как она, но получалось это у них крайне редко, ведь ни одно подводное существо не могло сравниться по скорости с русалками.

Паника охватила Марис – она из последних сил гребла к берегу, срываясь на крик, когда акулы подплывали непозволительно близко, пыталась спрятать человека, уплыть дальше.

Почувствовав в воде тёплое течение, она юркнула в знакомую расщелину под водой, зажимая рот и нос парню. Хищники остались где-то позади, отчего девушка с облегчением прикрыла глаза, всплывая на поверхность и вытягивая свою ношу на песчаный берег. Она провела рукой по смешно торчащему мокрому ёжику на его голове и попыталась растормошить парня – он был бледным и холодным, таким же, как сама Марис. Но русалка знала, что люди другие – у них тёплая кожа, есть загар, они должны дышать лёгкими. Так говорила Уилл. Но она не помнила что делать в такой ситуации, как спасти? Они смотрели с Уилл фильмы про спасателей, но руки только скользили по чужой груди, размазывая кровь, стекающую к ладоням по локтям.

«Как же там учил отец?»

Марис закрыла глаза, успокаивая сбившееся дыхание, пытаясь сконцентрироваться, не отвлекаться на боль в районе лопатки. «Соберись!» – кричал внутренний голос. Она вытянула руку над его грудью, и через какое-то время кончики пальцев и ладонь стали слегка светиться желтоватым светом. Марис старалась изо всех сил – она всегда была слаба в управлении водой, но сейчас нужно было вспомнить всё, чему учил её отец. Русалка медленно опустила руку на его грудь и втолкнула свечение в парня. «Собрать воду вместе... – про себя проговаривала Марис. – Теперь вывести через трахеи и горло...» Она медленно перемещала руку по груди Фукуда – а вместе с рукой перемещалось и сияние. И как только дошла до лица, она чуть сжала пальцы вместе и стала поднимать руку от тела парня. Вместе со свечением через рот выливалась и вся вода, которая попала в лёгкие. И когда свечение полностью вышло – Марис устало села, убрав руку, и нависла над парнем, ожидая, когда тот очнётся. Свечение тут же испарилось, а вода упала тяжёлыми каплями обратно в океан. Дайчи резко закашлялся, чем испугал девушку. Она руками оттолкнулась от песчаного берега и поспешила укрыться за одним из булыжников – Уилл говорила, что людей пугают такие, как она. Но парень лишь выплюнул остатки воды, так и не придя в себя.

Марис всё ещё не решалась подплыть обратно, ведь парень мог в любой момент очнуться. Она только выглядывала из-за камня, стараясь запомнить черты этого человека – в тусклом лунном свете, проникающем в пещеру через разломе в потолке, было видно немного, поэтому она всё же подплыла чуть ближе, чтобы рассмотреть его угловатое тело, неровно вздымающуюся грудь и услышать рваное дыхание, почувствовать его тепло. Тепло, которое она всё ещё ощущала на своих ладонях. Обычно прикосновения к людям оставляли болезненные следы, ведь они были куда горячее, чем русалки. Но этот парень не причинял боли, только лишь какое-то неизведанное чувство, что-то очень нежное – она сама не знала, что. Ей хотелось прикасаться к нему вновь и вновь, отчего внутри всё трепетало от этого желания, и она была не

властна над этим. Марис выплыла из своего укрытия и медленно, стараясь не создавать волн, подплыла к Дайчи. У берега она на руках подползла к нему, шурясь и прислушиваясь к каждому шороху – он всё ещё был без сознания.

– Кто же ты?.. – она аккуратно прикоснулась рукой к его щеке, стирая капли воды и очерчивая выступающие скулы, робко улыбаясь – тепло. Осмелев, Марис лёгкими движениями, еле касаясь, провела по его плечу, шее и опять по щеке. Ей до безумия нравилось то тепло, что дарил этот человек. Он спал так спокойно, что Марис невольно любовалась этим безмятежным сном. Она не раз видела, как спала Уилл, но та вечно что-то шептала и кричала во сне, и Марис приходилось напевать лёгкую мелодию, чтобы успокоить подругу – это всегда помогало. Она очень не хотела, чтобы его сон не прервался, ведь она всё ещё помнила, как он страдал, помнила эти глаза, наполненные болью, помнила и крики от безысходности. А сейчас ему было хорошо, пусть хоть так, но он не будет чувствовать той боли, что отрывала от него по кусочку каждый день, каждую секунду. И Марис запела – запела тихо, едва слышно, чтобы слышал лишь он. Не было слов, она напевала мелодию моря, что эхом разбивалась о голые каменные стены.

«Я умер?»

Дайчи сквозь сон слышал едва уловимые звуки, но они были настолько прекрасны, что он действительно думал, что умер, а это поют ангелы, ну или кто-то там – он не особо разбирался в этом всём. Дайчи не хотел просыпаться, не хотел открывать глаза, ему было всё равно, где он, умер или жив. Но, прислушиваясь к собственным ощущениям, он захотел знать, кто был здесь помимо него, кто гладил его. Приятно. Но осознание происходящего накатило мощной волной, отчего он резко открыл глаза, чувствуя острую стреляющую боль в спине, отдающуюся в висках, и первое, что он увидел – два голубых огонька, что так заинтересованно и близко смотрели на него.

Песня прекратилась в тот же миг, как и приятное поглаживание по щеке. А вскоре Дайчи услышал всплеск воды где-то в районе своих ног.

Он хотел было резко встать, уже открыв рот, чтобы окликнуть спасителя, но, попытавшись подняться на локтях, он согнулся пополам – его поясницу сковало привычной тупой болью. Он глухо вскрикнул и, повернувшись на бок, с трудом помог руками принять сидячее положение – сгорбившись и ещё сильнее морщась от неприятного покалывания по всему телу.

Фукуда не знал, где он – вокруг было темно, хоть глаз выколи. Он руками пошлёпал возле себя и понял, что сидит на пляже. Пару раз сильно сжал мокрый песок в руках, чтобы точно удостовериться в происходящем. Боль в спине свидетельствовала о том, что он не умер, ну или, может, это его Ад – вечность чувствовать эту боль и безысходность и не иметь возможности играть. Дайчи стал судорожно вспоминать про себя, что сделал такого плохого, что его сослали в Ад. Но он никогда не был плохим парнем. Заносчивым и высокомерным – да, но он никогда не делал плохого другим людям, не обманывал, и вообще жил довольно праведной жизнью. Ведь ему, кроме баскетбола, ничего и не надо было. Так почему же Ад?

Из раздумий его вывел раскат грома – он взглянул вверх и увидел в большом отверстии над головой белую вспышку молнии.

– Так я всё же не сдох, – как-то без энтузиазма проговорил Дайчи, и его собственный голос эхом разнёсся по всей пещере. Было и обидно, но в то же время где-то в глубине души он был рад этому. Значит, не просто так он остался в живых – не всё кончено. Но теперь оставалось разузнать, где же он всё-таки находился. Судя по этому пролому наверху – он был далеко не на берегу. Дайчи перевалился на живот и, подтягивая ноги к себе, встал на четвереньки, опираясь на здоровую ногу, он потихоньку встал – только так он мог принимать вертикальное положение. Парень пошевелил пальцами на ногах, немного закапываясь тем самым в мокрый песок. Он ощупал карманы, не находя мелочи, провёл подушечками пальцев по часам и обнаружил, что те треснули, ощутил, что остался без рубашки, и понял, что стоит босиком – его любимые

кроссовки унесло в океан. Видимо, слетели, когда его колбасило в волнах. Он устало поднёс руку к лицу и задержался на щеке. Всё ещё чувствовалось какое-то лёгкое тепло и успокоение. Дайчи даже закрыл глаза, пытаясь вернуть те ощущения, но нечаянно задел висок пальцами и недовольно поморщился от внезапной пульсирующей боли.

– Точно... – вырвалось из уст парня. Он вспомнил, что перед тем, как потерять сознание, он видел два голубых огонька и слышал отчётливый крик. И когда очнулся, он также увидел эти огни. Дайчи стал судорожно оглядываться и высматривать что-то в кромешной темноте – сам не зная, что. За спиной не было ничего. Возможно, там был выход отсюда, но сейчас это не волновало Дайчи – он хотел узнать, кто это или что это. Он вновь развернулся лицом туда, откуда доносились легкие всплески волн. Всматривался в каждую деталь, прищуриваясь, пытаясь хоть что-то получше разглядеть или ощупать, но это не помогало – он не знал, где он, есть ли тут кто-то ещё, и как отсюда выбраться. Всё, что его окружало – это песок и пара больших скользких валунов странно правильной формы, и всё. Но тут он увидел лёгкое свечение за камнем – видимо, с прежнего ракурса этого не было видно, но теперь Фукуда видел свет, видел, как вода окрасилась в тёплый золотистый цвет, будто кто-то включил подсветку. Он заворожённо наблюдал за этим сгустком света, не в силах оторвать взгляд. Дайчи взглянул выше и столкнулся с теми самыми голубыми огоньками. Те будто вспыхнули, а после исчезли, прячась за камнем, равно, как и свет под водой пошёл рябью, а громкие всплески воды оглушали, расходясь эхом по пещере в гробовой тишине.

– Стой!

Он не знал, что происходило, но желание понять боролось внутри него со страхом. Дайчи испугался. Он попятился назад, всё также неотрывно выглядывая таинственный свет, но споткнулся о свою же ногу, падая на бок, ругаясь сквозь зубы и болезненно и протяжно воя на мокром песке, скорее, по привычке, ведь адреналин блокировал боль. Он стал отползать назад, но, когда рукой нащупал камни – его отступление прекратилось. Он крепче ухватил один потяжелее в руку, готовый в любой момент отбиваться. От страха сердце было готово выпрыгнуть из груди, ведь это точно был не человек. Даже если Дайчи забил на биологию, он был уверен, что такого в природе нет, но это, определённо, было что-то живое.

– Ты кто? – дрожащим голосом тихо проговорил Дайчи, но эхо вновь разнесло его слова по всей пещере.

Ответа не последовало. Русалка лишь прижималась спиной к камню, не в силах вновь взглянуть на парня. Марис даже не чувствовала боли, а её раны уже начали затягиваться. Она так сильно испугалась того, как встретила с ним взглядом, что сейчас даже руки подрагивали. Но помимо страха было ещё и любопытство – этот гремучий коктейль просто не давал ей спокойно мыслить. А ещё Марис было до безумия интересно наконец услышать его голос – не крики о помощи там, на пляже, а его голос.

– Кто ты?! – повторил Дайчи, но уже более громко.

Девушка прильнула к холодному камню, обдумывая, что делать. Но если она ответит, то ничего страшного же не случится, верно?

– Марис... – тихо ответила она, но этого хватило, чтобы Фукуда опустил камень и замер, понимая, что этот голос пел ему песни.

«Марис...» Это слово раз за разом прокручивалось в голове Дайчи. Он не знал, что это – так называется это существо, или же это имя, но этот голос был таким приятным и мелодичным. Если это оно напевало ему ту мелодию, а не убило – а, может, даже и спасло, – то это нечто может быть и не чудовищем. Он всё смаковал одно единственное слово, как вдруг звук падающих камней заставил его очнуться от размышлений.

– Эй! Парень! Ты здесь?! Отзовись! – громко кричала явно девушка. – Твою ж мать...

– Тут я, – неожиданно хрипло отозвался Дайчи и повторил ритуал вставания на ноги. И только сейчас он заметил, что пещера – а именно ею являлось то место, где он находился –

начала освещаться какими-то странными камнями-факелами прямо в стенах – мягкий голубо-фиолетовый свет разгорался в более насыщенный, где-то отдавая зелёным и белым, волнами расходился к потолку. Смутно, но Фукуда успел разглядеть обстановку: столы из камня – именно их он трогал, обходя пещеру, поэтому они и такие правильные, книжные полки прямо в стенах среди цветов, кресла, на одном из которых лежал сложенный вдвое старый матрас, а в углу стоял облезлый диван. Он ни черта не понимал, что тут происходит, и с глупым выражением лица осматривался, даже не обращая внимания на девушку, что стояла совсем недалеко от него.

– Я тебе говорю! Пойдём отсюда, я отвезу тебя! – она кричала на него, пытаясь отвлечь внимание, но Дайчи отчётливо слышал тихие всплески воды. – Алло! Приём!

Парень машинально отмахнулся от неё, заходя в воду по колено и заглядывая за тот самый камень, где было то самое свечение. Он был уверен, что это не цветы, то было нечто иное, живое – но теперь там никого. Дайчи медленно перевёл ошарашенный взгляд на девушку, будто она знала, что он должен был там найти, но та лишь закатила глаза, отбрасывая локон ярко-рыжих волос назад. Ей откровенно надоело это всё, она грубо схватила парня за руку и потащила через всю пещеру. Он не сопротивлялся, лишь пару раз попытался обернуться, чтобы взглянуть на тот самый камень, где было это что-то, это странное «Марис».

И он увидел. Увидел её. Это была девушка, настолько красивая, что сердце невольно пропустило пару ударов. Она смущенно высовывалась из-за камня и глядела прямо на него. Он никогда не видел чего-то прекраснее: эти белокурые волосы, что обрамляли лицо, пухлые губы и невероятные глаза, которые буквально светились голубым огнём – тем самым, ярким, волшебным, особенным.

– Топай давай! – зло рыкнула Уилл и слегка дернула Дайчи за руку, призывая к тому, чтобы он поторапливался. Ох, как она была зла! Мало того, что Марис чуть было не погибла, бросаясь на скалы, так ещё и притащила этот шкаф в глубокой депрессии в их, на секунду, тайное место. Как только этот дебил прыгнул – она поспешила подъехать к обрыву и увидела, как её подруга ударилась о камни и поплыла по направлению к убежищу, и Уилл хотелось уже за одно это добить этого придурка. Она сразу рванула следом за ними, но ужасная погода не давала быстро добраться до входа. Рыжая даже пару раз свалилась со скутера, порвав джинсы, и расцарапала колени, а из-за ливня она ещё и промокла до нитки. Ей пришлось бросить свой транспорт на обочине, потому что дальше дорога была размыта.

Дайчи всё ещё пребывал в шоке: он даже не вырывал руки из хватки этой странной девушки. Мгновение – и вот он уже шёл по берегу. В ноги противно впивались мелкие камни, отчего парень морщился. Фукуда попытался вновь оглянуться, чтобы увидеть её, чтобы увидеть Марис, но позади были только обрыв и бушующий океан, никакой пещеры, лишь пустошь. Незнакомка опять дёрнула его за руку и чуть ускорила, что-то злобно бубня себе под нос. Дайчи шёл и глядел себе под ноги, он пытался хоть что-то сформулировать в своей голове, хоть как-то упорядочить сегодняшний безумный день. День, когда он должен был умереть. Но теперь столько всего свалилось на него, что просто невозможно было что-то вразумительное придумать: неудавшийся суицид, эта странная пещера, эта рыжая знакомка, эта Марис...

– Слушай. Для твоего же блага лучше забыть всё, что сегодня произошло, – девушка резко обернулась и, не успев остановиться, Дайчи чуть было не врезался в неё, но вовремя удержался.

– А что вообще сегодня произошло? – как-то отрешённо пробормотал Фукуда.

– Вот. Именно вот так и думай. Что сегодня ничего не произошло, – она подняла с земли свой брошенный скутер и завела его лишь с четвёртой попытки. – Садись давай, я отвезу тебя к машине.

Дайчи молча сел позади девушки и рефлексивно обнял её за талию. Отчего она вздрогнула, но возмущаться не стала, а лишь поддала газу. Ей побыстрее хотелось завершить этот

безумный день, сесть на любимый подоконник и выпить чего-нибудь крепкого, чтобы хоть немного успокоиться. Слишком сумасшедшим был сегодняшний день, а с Марис она поговорит завтра. Всё завтра, на сегодня уже не хватало сил.

Уилл оставила Дайчи у его машины, и хотела как можно быстрее уехать отсюда, чтобы наконец-то успокоиться.

– Чтоб тебя, ходишь тут, скулишь, срываешь наши встречи, – Она неоднократно предлагала Марис встречаться в пещере, но она напрочь отказывалась. Она хотела наблюдать за этим странным парнем, и Уилл просто не могла противиться. Но кто же знал, что все так закончится? – Ещё и прыгаешь на чёртовы скалы, – Уилл взорвалась, когда увидела, что парень открыл рот, чтобы спросить, поблагодарить, сказать что-то – неважно, что. – Забудь всё, что сегодня произошло, иначе я собственноручно придушу тебя во сне. Ты же так хотел умереть, да? – высказав все, она ушла.

Босой, весь в ссадинах и порезах, парень остался один в темноте и глядел на свет маяка, который будто убаюкивал и успокаивал – такой тёплый, ненавязчивый, и ему вспомнились глаза той девушки. Они были похожи на этот самый маяк. То, что не давало морякам погибнуть, и Дайчи ощущал себя этим самым моряком. Он бросил взгляд на очертания обрыва – на место, где он должен был умереть. Второй раз он не сможет решиться на это. К тому же, слабый огонёк заинтересованности стал трепыхаться на дне его остывшей души. После ухода из его жизни баскетбола он не хотел и не желал ничего, но сейчас же его впервые заинтересовало что-то или кто-то помимо игр.

Парень поспешил сесть в машину и, сдав назад, резко вывернул руль влево, рывком выезжая на дорогу. Ему нужно домой, нужно понять, что произошло, нужно найти Марис. Он выжал педаль газа до упора, отчего покрывки противно закрипели, разбрасывая камни в разные стороны, царапая некогда идеальный кузов.

– Кто же ты такая?.. – Дайчи уже лежал на своей кровати и подкидывал вверх мяч-талисман – с ним в руках ему лучше думалось, и он мог сосредоточиться, но вопросов всё равно было куда больше, чем ответов. Он пытался разложить весь день по полкам, хоть и выходило слишком абстрактно. Он проснулся, умылся, поел, написал бредовое письмо – которое, кстати, порвал и выбросил в мусорное ведро – поиграл на площадке – хотя игрой это было сложно назвать – поехал кататься вдоль берега, притормозил у того места, где всё это время пытался перебороть себя. От воспоминаний того заброшенного участка дороги Дайчи невольно поморщился и даже перестал подкидывать мяч, вглядываясь в пустоту.

– Так... дальше...

Парень закрыл глаза, сдвигая брови на переносице, и попытался в деталях вспомнить всё, что произошло сегодня ночью.

Он решил, что хватит с него уже пытаться, ничего не получится, и поехал дальше по грунтовой дороге, вверх. Берег становился всё круче и, когда дорога кончилась, упираясь в небольшое пространство перед обрывом, он хотел немного вернуться, чтобы выйти на дорогу, которую пропустил, сворачивая сюда, но отчего-то ему захотелось выйти именно здесь. Так. Вышел из машины, подошел к краю. Помнил холодные капли на лице и порывистый ветер. А потом полёт в пропасть. И крик. Крик Марис. Вспомнив это, Дайчи даже тут, лёжа в кровати, открыл глаза, с минуту собираясь дальше с мыслями. Но это «нет» до сих пор звучало в голове. Голубое свечение и потом темнота. Парень провёл пальцами по ноющей ссадине на виске и поморщился. Очнулся он уже в тёмной пещере от мелодии, которая до сих пор всплывала в памяти. Он просто хотел услышать ещё раз этот невероятный мелодичный голос.

– Марис... – протянул Дайчи, пытаясь представить, как это говорит она. Та, что выглядела, словно не из этого мира. Может, она действительно не была человеком? Тогда кем? Дайчи кинул мяч в стену и с рыком потрепал себя по голове, пытаясь хоть так привести мысли в порядок.

Он медленно сел на кровати и взглянул в открытое окно на убывающую луну – дождь прекратился и тучи развеялись, открывая взору чистое ночное небо. Дайчи непременно должен был узнать всё: кто она, почему спасла, зачем и для чего. А сейчас ему необходимо было поспать.

Открыв полку в прикроватной тумбе, Дайчи пошарил рукой и достал одну из многочисленных банок с таблетками. Закинув в рот пару штук, он точным броском через руку, закинул банку обратно в полку. Запив снотворное водой, он вновь опустился на мягкие подушки, чтобы в очередной раз погрузиться в сон без сновидений. В голове крутилась лишь Марис, а перед тем, как провалиться в сон, он снова увидел её голубые глаза.

За такое долгое отсутствие на учёбе он значительно отстал от программы, и ему в кратчайшие сроки нужно было всё нагнать, но многие преподаватели шли навстречу, зная, что этому юноше пришлось пережить. И это было действительно чудо, что он был жив, даже больше – он мог двигаться и ходить. Однако эти жалостливые взгляды бесили Дайчи: каждый провожал его сгорбленное тело этим до дрожи мерзким для него взглядом, а потом отворачивались, как только Дайчи зло глядел в их сторону. Порой он ловил обрывки фраз: «как жаль его», «он был таким классным игроком», «теперь наш университет не победит в турнире». Это была лишь малая доля того, что он успевал услышать. Синицы снова пронзительно кричали в голове, Фукуда тошнило от своей беспомощности, и он снова окунулся в реальность с головой – он инвалид, безнадежно сломанная кукла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.